

RU

Избыточность человеческого как предел алгоритмической рациональности

Трунов А. А.

Аннотация. Цель данной статьи заключается в выявлении пределов алгоритмической рациональности через философско-антропологическую реконструкцию онтологических измерений человеческого опыта, характеризующихся принципиальной непрозрачностью для тотальной параметризации. В статье реконструируется логика инфраструктурной власти, ориентированной на параметризацию человеческого опыта, а также выявляется имманентное противоречие этой власти с онтологической незавершенностью человеческого существования. Показано, что алгоритмическая рациональность не только наталкивается на избыточность человеческого опыта, но и структурно зависит от нее как условия собственного воспроизводства. Научная новизна состоит в концептуализации избыточности человеческого как имманентного антропологического предела цифровой рационализации, проявляющегося в регистрах темпоральности, телесности и intersubjectivity. В результате обосновано, что проекты тотальной алгоритмизации социального мира носят принципиально незавершенный характер и воспроизводят человеческую избыточность как внутренний источник собственной нестабильности.

EN

The excess of the human as the limit of algorithmic rationality

A. A. Trunov

Abstract. This article aims to delineate the limits of algorithmic rationality through a philosophical-anthropological reconstruction of the ontological dimensions of human experience, characterized by their fundamental opacity to total parameterization. The article reconstructs the logic of infrastructural power oriented toward the parameterization of human experience and reveals its internal contradiction with the ontological incompleteness of human existence. It is argued that algorithmic rationality not only encounters the excess of human experience as a limit, but is structurally dependent upon it as a condition of its own reproduction. The scientific novelty lies in conceptualizing the excess of the human as an immanent anthropological limit of digital rationalization, manifested in the registers of temporality, embodiment, and intersubjectivity. The results demonstrate that projects of total algorithmic optimization of the social world are inherently unfinished and continually reproduce human excess as an internal source of systemic instability.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что проблема антропологических пределов алгоритмической рациональности остается недостаточно артикулированной в современной научной и философской мысли. Существующие исследования либо фокусируются на механизмах алгоритмического господства, описывая тотализирующую логику цифровых платформ, либо апеллируют к абстрактной возможности индивидуального или коллективного сопротивления, игнорируя структурные условия, которые делают принципиально невозможной тотальную параметризацию человеческого опыта (Bratton, 2015; Fuchs, 2022; Pasquale, 2015; Sereni, 2021). Вследствие этого остается неясным, что же именно в структуре человеческой субъектности «сопротивляется» алгоритмической рациональности.

В данной статье мы попытаемся решить следующие взаимосвязанные задачи:

- 1) реконструировать алгоритмическую рациональность как форму инфраструктурной власти цифрового капитализма, ориентированную на параметризацию человеческого опыта;
- 2) обосновать избыточность человеческого как онтологический предел цифровой рационализации;
- 3) охарактеризовать темпоральность, телесность и intersubjectivity как основные регистры непрозрачности человеческого существования для алгоритмического моделирования.

Методологической основой нашего исследования выступает философско-антропологический подход, ориентированный на выявление конфигураций человеческой субъектности в условиях господства алгоритмической рациональности. В отличие от социологического подхода, фиксирующего преимущественно наблюдаемые

практики сопротивления цифровизации, когда «уход из-под контроля алгоритмической рациональности становится естественным движением тех, кто не хочет ни возвращения к довиртуальной архаике прошлого, ни пребывания в тотально цифровой архаике настоящего» (Иванов, 2023, с. 27), философско-антропологический анализ направлен на реконструкцию тех структурных характеристик человеческого опыта, которые предшествуют любым конкретным формам социального действия. Принципиальным для нас также является использование феноменологического подхода, позволяющего описывать дорефлексивные структуры человеческого опыта без их преждевременной теоретизации в терминах субъект-объектных отношений. Кроме того, в исследовании применяется диалектический подход, который дает возможность рассматривать алгоритмическую рациональность и человеческую избыточность не как внешне противопоставленные феномены, а как внутренне взаимосвязанные и противоречивые аспекты единого процесса. В этом смысле антропологический предел алгоритмической рациональности интерпретируется не как статическое ограничение технологического развития, а как динамически воспроизводимое противоречие, конституирующее логику цифровой рационализации.

Теоретическая база исследования формируется за счет обращения к феноменологии темпоральности А. Бергсона (2001), парадигме человеческой незавершенности А. Гелена (Gehlen, 1988), концепции интерсубъективности Э. Гуссерля (2020), а также критической теории цифрового капитализма в версиях Ш. Зубофф (2022) и других современных исследователей (Иванов, 2023; Fuchs, 2022). Особое значение для нашего анализа имеет концепция гротескного тела, разработанная М. М. Бахтиным (2010) применительно к народной культуре Средневековья и Ренессанса. При этом обращение к М. М. Бахтину отнюдь не предполагает абсолютизации его идейного наследия.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения выявленных антропологических пределов алгоритмической рациональности для корректировки существующей практики цифровой трансформации российского общества, особенно в сферах образования и науки, где технологическое внедрение нередко подменяется их дискурсивной симуляцией. Понимание онтологической незавершенности человеческого опыта позволяет разработчикам цифровых платформ избегать иллюзий тотального контроля и учитывать неизбежную избыточность человеческой субъектности. Материалы данной статьи могут быть интегрированы в учебные курсы по философской антропологии и социальной философии для критического осмысления границ цифровизации.

Обсуждение и результаты

Автор исходит из предположения о том, что современный этап развития цифрового капитализма характеризуется формированием особого типа рациональности, в основе которого лежит алгоритмическая обработка больших объемов информации и стремление к параметризации человеческого опыта в форме данных, метрик вовлеченности и поведенческих моделей. Экономическая логика цифровых платформ, инфраструктурные формы управления и системы машинного обучения выстраивают пространство социального взаимодействия как поле непрерывной оптимизации, в котором субъект редуцируется к совокупности предсказуемых реакций, предпочтений и статистических вероятностей.

Алгоритмическая рациональность в данном контексте выступает не просто совокупностью технических инструментов обработки пользовательских данных, но весьма специфическим эквивалентом Разума. Как отмечает в этой связи Ш. Зубофф, «инструментарное общество представляется человеческим воплощением системы машинного обучения, воплощая в себе разум улья, в котором каждый элемент учится и действует в согласии со всеми другими элементами» (2022, с. 33). По ее же словам, «инструментарная власть стремится организовать, направить в нужную сторону и настроить общество для достижения подобного же социального слияния, при котором групповое давление и математическая предсказуемость заменяют политику и демократию, уничтожая субъективное ощущение и социальный смысл индивидуализированного существования» (Зубофф, 2022, с. 33).

В отличие от классических типов рациональности, которые были ориентированы на интерпретацию смысла и нормативное упорядочивание социального мира, алгоритмическая рациональность функционирует в режиме коррелятивного управления, в котором человеческое поведение не «понимается», а «оптимизируется» на основе вероятностных связей между постоянно получаемыми эмпирическими данными. «При этом режиме повсеместная компьютеризация – не просто знающая машина; это реализующая машина, призванная обеспечить большую предсказуемость в том, что касается нас, для них» (Зубофф, 2022, с. 267). Ее целью становится не постижение многогранного человеческого опыта, а его перевод в управляемые массивы данных, пригодные для оптимизации поведения и извлечения экономической прибыли.

В отличие от конкретных разновидностей дисциплинарной власти и биополитики, изученных М. Фуко (1999; 2010), алгоритмическая рациональность не столько нормирует поведение через институциональные запреты, сколько формирует среду выбора, в которой любые решения субъекта заранее запрограммированы архитектурой цифровых платформ. Управление здесь осуществляется не через прямое принуждение, а через «невидимую настройку» циркулирующих потоков информации, что позволяет говорить о становлении инфраструктурной власти как новой формы социального господства. Однако проект тотальной рационализации человеческого опыта, лежащий в основе цифрового (Fuchs, 2022) (или «надзорного» (Зубофф, 2022)) капитализма, наталкивается на фундаментальное ограничение, связанное с избыточностью человеческого существования.

Концептуализация антропологического предела через категорию избыточности может быть прочитана как инверсия «человеческого, слишком человеческого». Но если у Ф. Ницше (2011) оно указывало на неспособность человека выйти за пределы своей же природы, то «избыточно человеческое» в контексте алгоритмической рациональности, скорее, обозначает противоположную сторону человеческого опыта.

Избыточность – это онтологическая несводимость человеческого опыта к его измеряемым параметрам, содержащая в себе потенциал непредсказуемости. Речь идет не о «сбое» алгоритмической рациональности, а о структурной форме человеческого существования, принципиально несводимой к завершенным и стабилизированным параметрам.

В структуре человеческого опыта присутствует измерение открытости, в котором субъект постоянно превосходит собственные реализованные состояния, оставаясь при этом принципиально незавершенным. «Эта открытость, – полагает А. Гелен, – сначала создает огромную нагрузку, но одновременно является необходимым условием выживания человека. Разумеется, при условии, что он сумеет успешно справиться с этой открытостью. Многообразие и богатство мира, доступного человеку и хлынувшего на него потоком, содержат в себе возможность неожиданных и непредсказуемых переживаний, которые человек может использовать в своей борьбе за существование, чтобы сделать следующий шаг в обеспечении своего выживания. Иными словами, открытость человека миру столь безгранична и неструктурирована именно потому, что ему необходимо самому выбирать из этого хаоса те впечатления и опыт, которые могут послужить ему во благо, стать инструментом выживания» (Gehlen, 1988, p. 30). Мы полагаем, что именно эта избыточность человеческого и образует структурный предел алгоритмической рациональности, который не может быть устранен даже путем дальнейшего технического совершенствования существующих цифровых платформ

Даже в гипотетической ситуации полной вычислительной прозрачности и бесконечных ресурсов обработки данных цифровые системы столкнулись бы с тем же фундаментальным противоречием между живым человеческим опытом и логикой формализации. По сути, формализуемо лишь то, что уже завершено и стабилизировано, тогда как человеческое существование разворачивается в режиме становления, содержащего момент неопределенности и новизны. Алгоритмическая рациональность по самой своей структуре ориентирована на повторяемость и корреляцию, тогда как человеческий опыт укоренен в возможности разрыва и возникновения нового.

Алгоритмическая логика опирается на предпосылку, согласно которой ранее полученные данные способны с высокой степенью вероятности предсказать будущие действия субъекта. Однако человеческая темпоральность конституируется не как механическое следование событий, а как открытый горизонт становления и ожидания, в котором новое не выводимо из совокупности предшествующих состояний. Событийный характер человеческой темпоральности означает, что будущее является не экстраполяцией прошлого, но открытым пространством становления, в котором возможны качественные сдвиги и трансформации смысла.

«Наша личность, строящаяся в каждое мгновение из накопленного опыта, постоянно меняется. Изменяясь, она не дает возможности тому или иному состоянию когда-либо повториться в глубине, даже если оно на поверхности и тождественно самому себе. Вот почему наша длительность необратима» (Бергсон, 2001, с. 43). «Чем глубже мы постигнем природу времени, тем яснее поймем, что длительность есть изобретение, создание форм, непрерывная разработка абсолютно нового» (Бергсон, 2001, с. 47). Если следовать А. Бергсону, то человеческое действие возникает не как статистически наиболее вероятный вариант поведения, а как момент решения или переосмысления ситуации.

Именно эта логика незавершенности в дальнейшем проявляется как в телесной избыточности человеческого присутствия в мире, так и в событийности интерсубъективного взаимодействия. Тем самым темпоральность, телесность и диалогичность образуют не разрозненные ограничения алгоритмизации, а взаимосвязанные измерения единой онтологии человеческого становления.

В человеческом существовании тело выступает не объектом измерения, а медиумом проживания мира, через который формируются аффекты, смыслы и экзистенциальная укорененность субъекта в той или иной ситуации. Алгоритмическая рациональность редуцирует телесность к совокупности биометрических показателей, тем самым устраняя ее феноменологическое измерение как пространства переживания и смыслообразования. Однако именно в этой телесной избыточности как раз и заключается принципиальная непрозрачность человеческого для полной и окончательной рационализации. Любая попытка цифровизации человеческого тела неизбежно сводит живое присутствие к абстрактной схеме данных. Подобная редукция представляет собой не нейтральный процесс измерения, а специфический режим власти, в рамках которого живое телесное присутствие подменяется управляемой схемой данных, пригодной для контроля, оптимизации и экономической эксплуатации.

Особенно продуктивной здесь оказывается подход М. М. Бахтина, для которого человеческое тело выступает не замкнутым биологическим объектом, а открытым процессом становления, пронизанным избыточностью, незавершенностью и выходом за собственные границы. «Гротескное тело не отграничено от остального мира, не замкнуто, не завершено, не готово, перерастает себя самого, выходит за свои пределы... Тело раскрывает свою сущность, как растущее и выходящее за свои пределы начало... оно смешано с миром, смешано с животными, смешано с вещами. Оно космично, оно представляет весь материально-телесный мир во всех его элементах» (Бахтин, 2010, с. 36, 37). Избыточность здесь оказывается не случайным отклонением, а фундаментальным способом человеческого существования.

Интерсубъективность, как показал Э. Гуссерль, не сводится к внешнему взаимодействию между уже заданными субъектами, но представляет собой первичное измерение конституции самого объективного мира: «Я и любой Другой выступает как человек среди других людей. Если я при постижении Другого глубже проникаю в горизонт его специфически собственной сферы, то скоро я сталкиваюсь с тем, что подобно тому, как его тело-плоть находится в моем поле восприятия, так и мое тело – в его; и что вообще он безусловно воспринимает меня в опыте в качестве Другого для него, как и я воспринимаю его как моего Другого» (Гуссерль, 2020, с. 166). В этом взаимном «вхождении горизонтов» как раз и возникает та самая событийность встречи, принципиально не поддающаяся алгоритмической формализации.

Темпоральность, телесность и intersубъективность образуют три взаимосвязанных регистра антропологической непрозрачности, в которых проект алгоритмической рационализации сталкивается с собственными пределами. Цифровой капитализм может управлять потоками поведения, но не способен исчерпать или подменить платформами структуру человеческого существования. Это фундаментальное противоречие проявляется в феноменах цифровой усталости, сопротивления алгоритмическим рекомендациям, стремлении к непроизводительному времени и поиске форм опыта, ускользающих от платформенной логики. Избыточность человеческого тем самым не образует внешнюю по отношению к цифровому капитализму «зону сопротивления», но постоянно воспроизводится внутри самой логики алгоритмического управления.

Цифровой капитализм стремится устранить человеческую неопределенность как источник управленческого риска, однако может существовать лишь постольку, поскольку эта неопределенность воспроизводится как источник новых данных, форм поведения и адаптивности платформенных систем. Тем самым избыточность человеческого выступает не просто ограничением цифровой рациональности, но и условием ее функционирования.

Антропологический предел алгоритмической рациональности следует рассматривать не как абстрактную конструкцию, а как структурный фактор, воспроизводящийся в конкретных институциональных практиках цифрового капитализма. В тех сферах социального воспроизводства, где человеческий опыт не поддается полной формализации, данное противоречие приобретает форму ритуализированной цифровизации, в которой язык технологической оптимизации подменяет реальное преобразование практик.

Так, в академической среде процессы цифровизации все чаще реализуются не как осмысленное внедрение цифровых технологий, а как риторическое воспроизводство дискурса инноваций. «В основном отзывы носят восторженно-мажорную тональность, что при ближайшем рассмотрении в большей степени отражает ожидания авторов проектов или публикаций, а не реальные достижения практики образования» (Стариченко, 2020, с. 50). Алгоритмическая рациональность здесь функционирует преимущественно в символическом режиме, выступая симулякрот управленческой прогрессивности, а не предметом рефлексивного анализа и практического освоения. В результате цифровая трансформация институтов образования и науки приобретает характер дискурсивной симуляции, в которой язык технологий подменяет их реальное понимание, создавая иллюзию рационализации без структурных изменений образовательной и научной практики.

Отмеченная симулятивность цифровизации не является следствием управленческой неэффективности или недостатка технологической компетентности, но выступает структурным эффектом столкновения алгоритмической рациональности с избыточностью человеческого опыта. Тем самым цифровизация в институциональном контексте все чаще выступает не формой технологической рационализации, а особым типом идеологического симулякра, в котором технологии функционируют как «знаки эффективности», скрывающие отсутствие подлинной содержательной трансформации. Система, ориентированная на точность, оптимизацию и предсказуемость, реализуется через структуры человеческого опыта, насыщенные избыточностью, смысловыми искажениями и ритуальными практиками. Капитализм воспроизводит не столько алгоритмическую рациональность, сколько ее дискурсивную имитацию, тем самым превращая цифровизацию как технологический проект в форму символического управления дополненной современностью.

Таким образом, алгоритмическая рациональность сталкивается с человеческим не как с внешним препятствием, подлежащим постепенному устранению по мере технологического развития, а как с внутренним условием собственного воспроизводства. Представляется, что любая попытка предельной оптимизации социального мира неизбежно активирует те формы человеческой избыточности, которые порождают новые смыслы, практики и поведенческие разрывы. В этом отношении цифровой капитализм не преодолевает антропологический предел, а постоянно воспроизводит его в процессе собственного функционирования.

Заключение

По результатам данного исследования можно сформулировать следующие выводы.

Цифровой капитализм как специфическая форма инфраструктурной власти реализует алгоритмическую рациональность, ориентированную на формализацию, параметризацию и предиктивное управление человеческим опытом. Однако данная рациональность не является самодостаточной и завершенной формой Разума, поскольку изначально укоренена в противоречии с онтологической незавершенностью человеческого существования, несводимого к совокупности дискретных поведенческих параметров.

Избыточность человеческого опыта представляет собой не эмпирическое отклонение от существующих алгоритмических моделей, а фундаментальный антропологический принцип становления, проявляющийся в регистрах темпоральности, телесности и intersубъективности. Именно эта структурная незавершенность человеческого бытия образует имманентный предел цифровой рационализации, делая невозможным проекты тотальной алгоритмической оптимизации социального мира.

Алгоритмическая рациональность вступает не во внешнее столкновение с человеческой избыточностью, а во внутренне диалектическое отношение зависимости и отрицания. Стремясь устранить неопределенность человеческого опыта, цифровой капитализм одновременно воспроизводит ее как условие генерации данных, инноваций и адаптивности платформенных систем. Тем самым антропологический предел выступает не препятствием развитию цифровых технологий, а структурным противоречием самой логики алгоритмического управления. Проявления симулятивной цифровизации в рассмотренных нами институциональных практиках науки и образования следует интерпретировать как эмпирическое выражение данного предела, в рамках которого язык технологической рационализации подменяет ее реальное осуществление. Это указывает

на принципиальную ограниченность дискурсивных и управленческих проектов цифровой трансформации, не учитывающих онтологическую специфику человеческого опыта. В целом же алгоритмическая рациональность предстает не как универсальная форма социального управления, а как исторически ограниченный тип рациональности, структурно зависимый от человеческой избыточности. Философско-антропологический анализ позволяет рассматривать цифровой капитализм как внутренне противоречивую систему, в которой проекты тотального контроля неизбежно наталкиваются на фундаментальные условия человеческого существования.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в углублении философско-антропологического анализа пределов алгоритмической рациональности через детализацию регистров онтологической непрозрачности человеческого опыта. Представляется продуктивным рассмотреть специфику избыточности человеческого в контексте развития генеративных искусственных интеллектуальных систем, способных имитировать креативные практики, однако не преодолевающих фундаментальную незавершенность человеческого становления. Отдельного внимания заслуживает сравнительный анализ институциональных моделей и практик цифровизации с точки зрения их способности интегрировать антропологический предел в логику технологического развития, а также исследование этических импликаций структурной несводимости человеческого опыта к алгоритмическим моделям для проектирования социально-ориентированных цифровых платформ.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4 (2). Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса (1965). Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970). Комментарии и приложение.
2. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. А. Флеровой. М.: ТЕРРА-книжный клуб; Канон-Пресс, 2001.
3. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2020.
4. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
5. Иванов Д. В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. № 3. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1>
6. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2011. Т. 2. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов: в 2 т.
7. Стариченко Б. Е. Цифровизация образования: иллюзии и ожидания // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. <https://doi.org/10.26170/ro20-03-05>
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
9. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010.
10. Gehlen A. Man: His Nature and Place in the World / transl. by C. McMillan, K. Pillemer; introduction by K.-S. Rehberg. N. Y.: Columbia University Press, 1988.
11. Bratton V. H. The Stack: On Software and Sovereignty / ed. by M. Fuller, L. Manovich, N. Wardrip-Fruin. Cambridge, MA – L.: MIT Press, 2015
12. Fuchs Chr. Digital Capitalism: Media, Communication and Society. N. Y. – L.: SAGE Publications Ltd, 2022.
13. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge, MA – L.: Harvard University Press, 2015.
14. Sereni C. A. Digital Nomos and the new world order: towards a theological critique of Silicon Valley // Tapuya: Latin American Science, Technology and Society. 2021. Vol. 4. № 1. <https://doi.org/10.1080/25729861.2020.1843870>

Информация об авторах | Author information

Трунов Анатолий Анатольевич¹, к. филос. н., доц.

¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права

Anatoly Anatolyevich Trunov¹, PhD

¹ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

¹ trunov2013@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.02.2026; опубликовано online (published online): 24.02.2026.

Ключевые слова (keywords): цифровой капитализм; алгоритмическая рациональность; антропологический предел; избыточность человеческого; digital capitalism; algorithmic rationality; anthropological limit; excess of the human.